
МАЗЕПА.

—

ПОВѢСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА.

—

I.

Надъ Карломъ, въ страшный день Полтавы,
Потухла счастья звезда:
Разбитый въ прахъ, съ стези кровавой
Онъ тамъ сведенъ былъ навсегда.
И власть, и слава одолѣня,
Невѣрныя, какъ поколѣнья
Ихъ обожателей—людей,
Къ стопамъ Царя послушно пали!
И стѣнъ московскихъ не видали
Враги; и бури миновали
Москву, пока чернѣй, грознѣй
Година не настала сѣй.
Когда судьбы долженствовали
Позору, гибели предать
Славный вождя, несмѣтлѣй рать!

II.

Такъ неизбежный рокъ свершился!..
 И, силясь раны превозмочь,
 Обрызганъ кровью, Карлъ стремился
 Черезъ рѣки, степи, день и ночь.
 Его рать сгибла; но въ несчастьи
 Щадить его упреконъ гласъ.
 Хоть правда смѣло въ этотъ часъ
 Могла гремѣть предъ самовластьемъ.
 Несетъ Карлъ—коня его
 Разитъ свинецъ, и своего
 Ему Гіета * уступаетъ.
 Самъ гибнетъ въ-чужь. Но и тотъ
 Подъ Карломъ мертвый упадетъ,
 Свершивъ такъ браво свой полетъ!..
 И въ дѣбряхъ, сумракомъ одѣтыхъ,
 Въ виду сверкающихъ огней
 Сквозь лѣсъ, на вражескихъ бекетахъ,
 Король съ дружиною своею
 Ночлеги опасный обрѣтаетъ.
 За эти-ль лавры межъ царей
 Такъ брань неистово пылаетъ?—
 Изнеможенъ, окрававленъ,
 Подъ двикій дубъ Карлъ положонъ;
 Его бьетъ дрожь; пылаютъ раны:
 Онъ глубоки... Ночь мрачна.
 Смыкаетъ очи Карлъ—пѣть низъ;
 И дышутъ холодомъ туманы.
 Но не скорбѣлъ, не унывалъ,
 И какъ вассаловъ подчинялъ
 Вся роды золь своей онъ воля.
 Въ давъ року духа не принесъ;
 Позоръ падевя въ тяжелой долѣ
 Монархъ по-царски перенесъ!

* Gjeta — полковникъ шведскій.

III.

Вожатыхъ рой! Увы, какъ мало
Ихъ съ поля смерти ускало!
Но полкъ отваги пылъ сердець
Въ остаткѣ этомъ!—Наконецъ,
Толпа героевъ, омраченныхъ
Тоской, безмолвнѣ храпя,
Садится на земь, вокругъ царя,
И подлѣ коней утомленныхъ.
Въ нуждѣ мы все друзья: судьба
Людей и тварь въ бѣдѣ равняетъ.
Мазепа ложе избираетъ
Подъ старымъ дубомъ для себя.
Украины Гетманъ, бодрый, смѣлый,
Угрюмъ, какъ дубъ его дебѣлый,
И также старъ почти, суровъ;
Но напередъ вождь козаковъ
Съ коня стеръ мыло; торопливо
Ему постель изъ листьевъ склалъ;
Разгладилъ чолку, вытеръ гриву,
И развудалъ его, и живо
Взоръ старца радостью сверкалъ,
Когда увидѣлъ онъ, какъ жадно
Усталый конь на кормъ папалъ;
А то онъ ждалъ, что къ ночи холодной
Пренебрежетъ скакунъ травой,
Покрытой позднею росой.
Но безъ причудъ былъ конь ретивый,
Какъ самъ ѣздокъ, и терпѣливо
Нужду и трудъ переносилъ.
Могучъ и быстръ, въ порывѣ силъ,
Какъ вихрь онъ Гетмана посилъ!
Отъ звука шпоръ, отваги полный,
Радъ былъ летѣть въ огонь и волны!
На зовъ знакомый онъ бѣжалъ;
Мазепу въ сонмахъ узнавалъ;
Кипи народъ окрестъ пучиной,
И въ мракъ ночи на единой
Не брезжи звездочки съ высотъ, —

Свободной степи слыть свирѣпый,
 Опъ boldly неся-бъ за Мазепою
 Съ заката солнца по восходъ! —

IV.

И вотъ Мазепа разстиласть
 Широкий плащъ; подъ дубъ густой
 Возвзявъ копье, и озираетъ,
 Сварядъ въ порядкѣ-ль боевой:
 Булатъ осматриваетъ ловко;
 Глядитъ—прикрѣплены-ль ножны;
 Не разсорился-ль порохъ съ полки;
 Курки надежно-ль взведены.
 Потомъ старикъ давай походный
 Готовить ужинъ; и свободно,
 Безъ царедворческихъ затѣй,
 Имъ угощать поочередно
 И вьщепосца и вождей.
 Превозмогая скорбь и раны,
 Упрямо твердость Карлъ хранить;
 И дѣлить ужинъ съ свитой бранной.
 И вотъ Мазепа говорить:
 «Взгляни—хоть все въ толпѣ героевъ
 «Мопхъ, сильны рукою, тверды
 «Душой—но въ стычкѣ-ль, въ вихрѣ-ль боевъ —
 «Ни одного изъ ихъ среды
 «Тебя отважнѣе, удалѣй!
 «Съ дней Александра не бывало
 «На рубежахъ земли четы,
 «Другъ съ другомъ сродной такъ, какъ ты
 «Съ своимъ, Мазепа, Буцефаломъ.
 «Вся слава Скивоовъ предъ тобой
 «Ничто, когда летишь стрѣлой
 «Ты черезъ глубь, иль въ чистомъ полѣ.»
 А тотъ въ отвѣтъ: «Прокляты школы,
 «Гдѣ удалъ эту я постигъ!»
 —«За что-же, если въ ней, старикъ,
 «Ты славно такъ образовался?»
 —«Не время говорить о томъ:
 «Еще неравный споръ съ врагомъ

«Для насъ въ степяхъ не мпповался;
 «Еще не разъ взмахнуть мечомъ
 «Придется намъ въ отбой погонн,
 «Пока свободно за Днѣпромъ
 «Не раздохнутся наши конн.
 «И должно, Царь, чтобъ слабость силъ
 «Ты сномъ дѣлбнымъ подкрвнилъ.
 «А я дружны утомленной
 «Межь-тѣмъ возьмусь стеречь покой.»
 —«Нѣтъ, старый Гетманъ, непременно
 «Хочу разсказъ я слышать твой.
 «И, можетъ, часть успокоеня
 «Навѣтъ повѣсть мнѣ твоа.
 «Теперь-же-бъ кстати—нѣтъ терпѣня!
 «Томить бессонница меня.»

V.

—«Изволь Монархъ: въ надеждѣ этой
 Готовъ давно-минувши лѣта
 Старикъ на память привести.
 Да, такъ, я былъ лѣтъ двадцати.
 И Казиміръ владѣлъ короной —
 Янъ Казиміръ.—А я пажомъ
 Седьмой ужъ годъ служилъ при немъ.
 Вотъ истинно былъ царь учоной!
 Съ тобой подобія—ни въ чомъ.
 Онъ не терпѣлъ кровавой брани;
 Соблазнъ воинственныхъ стяжаній
 Его души не вкушалъ.
 И Янъ, не будь лишь сеймскихъ преній,
 Премирно-бъ царствомъ управлялъ.
 Я не скажу, чтобъ огорченій
 Житейскихъ вовсе онъ не зналъ:
 Янъ музъ и женщинъ обожалъ,
 А съ ними ладить трудъ не малый.
 Разбѣсать такъ его бывало,
 Что Янъ въ отчаянн, за-чѣмъ
 Онъ ни ведетъ войны ни съ кѣмъ.
 Но чуть лишь буря утихала,
 Онъ книгу новую читалъ,

Въ другую женщину влюблялся,
 И пышные пиры давалъ!
 И цѣлый гороль собирался
 Взглянуть на роскошь тѣхъ пировъ!
 Явль ото всѣхъ своихъ пѣвцовъ
 Честивъ былъ польскимъ Соломономъ.
 Но обойденный пенсіономъ,
 Изъ нихъ одинъ лишь очернилъ
 Его въ язвительной сатирѣ;
 И страхъ какъ хвастался, что въ міръ
 Онъ никому льстить не любилъ.
 То дворъ затѣй различныхъ былъ,
 Гдѣ безъ пзяття, все вельможи,
 Пускались рифмы плести. Я тоже
 Стихами бредилъ иногда,
 И псевдонимъ мой былъ всегда:
 «Тирсисъ унылый».

Въ Польшѣ сильный

Жилъ воевода той порой:
 Графъ блескомъ, древностью фамильшой
 Извѣстный всѣмъ въ земль родной;
 Богатъ какъ рудникъ золотой!
 И гордъ былъ онъ, высокохренъ,
 Какъ въ этомъ всякой ужъ увхренъ.
 Графъ такъ былъ знатенъ, такъ богатъ,
 Что въ цѣломъ Царствѣ Польскомъ врадъ,
 Ему нашолся-ли-бъ кто ровный.
 И блага такъ онъ обожалъ,
 И въ дурь такую онъ впадалъ,
 Своей любуясь родословной,
 Что доблесть предковъ безусловно
 Своею собственной считалъ.
 Не тѣ супругу занимало.
 Она, годами тридцатью
 Моложе мужа, проклинала
 И власть его, и жизнь свою.
 А послѣ тягостныхъ волненій,
 Надеждъ, желаній, опасеній,
 Прощальныхъ славъ доброй слезъ,
 Одной или двухъ нестройныхъ грезъ,
 Романсовъ, вальсовъ, объясненій

Съ толпой поклонниковъ, — должно
Извѣстныхъ случаевъ ждать было.

.
.

VI.

«Мазена сумрачный тогда
Красавцемъ слылъ; въ мой годъ
Ужъ мнѣ такъ выразиться можно.
На утро жизни безтревожной,
Изъ юной знати той земли,
Взять верхъ немногіе могли
Въ дарахъ природы надо мною.
Я молодъ, веселъ, ловокъ былъ;
Мой ликъ тогда не походилъ
На нынѣ видимый тобою.
Какъ смугль и грубъ теперь сталъ онъ —
Такъ пѣшенъ, свѣжъ, былъ той порою.
Войной, лѣтами удрученъ,
Я какъ-бы весь переродился,
Случись родныхъ мнѣ повстрѣчать —
Изъ нихъ никто-бъ теперь признать
Меня своимъ не согласился.
Но безобразіемъ морщинъ
За-долго страсти до сдвинъ,
Мое лицо такъ исказили;
Ты знаешь, годы не убили
Ни силъ, ни бодрости моеи,
А то-бъ про былъ мипувшихъ дней,
Подъ этимъ дубомъ и средь этой
Холодной тьмы, тебя бесѣдой
Не занималъ теперь старикъ...
Но слушай-же: — Терезы лѣкъ...
Она, мнѣ кажется, строптиво
Скользитъ предъ нами вотъ — такъ живо
Воспоминаніе объ ней! —
Но пѣтъ, я не найду рѣчей,
Для описанья тѣни милои;
Тереза пламенемъ очей
На Азіятку походила;

Въ нихъ отразилась вся краса
 Сосѣдокъ Польши сладострастныхъ:
 Какъ у Турчанокъ, также ясны,
 Черны, какъ эти небеса,
 У милой Польки были очи! —
 И въ мгль ихъ лучъ сверкалъ живой,
 Какъ будто мѣсяць молодой
 Изъ-подъ покрова полуночи!
 Большія, черныя, онѣ
 Купались въ влагѣ сладострастной;
 И мнилось, сумракъ ихъ прекрасный,
 Растаетъ въ собственномъ огнѣ;
 И полу-живы, полу-томны,
 Онѣ взирали, какъ горѣ,
 Въ часъ смертной муки, на костръ,
 Взиратьъ праведникъ безмолвный.
 Чело, какъ лоно вешнихъ водъ,
 Когда ихъ глубь зарей златится:
 Не ропшутъ волны, и глядится
 Въ ихъ синеву небесный сводъ.
 Уста, ланиты—по напрасно
 Распространяться такъ о ней.
 Ее любилъ я; къ ней пылъ страстный
 Горитъ досель въ груди моей.
 А кто таковъ, какъ я,—не знаетъ
 Границъ въ сей страсти, и пылаетъ
 Душой средь благъ и въ бурѣ бѣдъ. —
 Въ ожесточеннн самомъ даже
 Мы верны ей; идемъ подъ стражею
 Любви до самыхъ позднихъ лѣтъ.
 И вотъ примѣръ тому Мазепа,
 Досель ей преданный такъ слѣпо.

VII.

«Намъ случай видѣться бывалъ;
 Въ насъ встрѣча пламень раздувала;
 Смотря ей въ очи—я вздыхалъ,
 Она безъ словъ — по отвѣчала.
 Примѣтъ и средствъ не перечестъ,
 Въ которыхъ тайна для насъ есть
 Другъ-друга молча понимать.

Но въ чомъ она — не разказать...
Есть искры — мыслей отраженье —
И что не скрыто въ глубинѣ
Души — всему даютъ онѣ
Таинственное выраженье.
И огненная цѣпь изъ нихъ
Куется силой чудотворной,
И ей связуются невольно
Сердца любовниковъ младыхъ.
Съ Терезой встрѣтись, и вздыхалъ,
Я плакалъ — но не забывалъ,
Какой рубежъ насъ разделяетъ.
И наконецъ къ ней обрѣтаетъ
Мазепа доступъ — и съ-тѣхъ-поръ,
Неистощимый разговоръ
Нашъ съ ней свободно начинался.
О! сколько разъ я покушался
Открыться ей, — но робость, страхъ,
Мой замыслъ вѣчно разрушали...
Я говорить — и на устахъ
Монхъ, какъ прежде, замирали,
Рождалась, звуки... Но пора
Моя настала. Есть игра,
Пустая, вздорная; за нею
Проводятъ день; но не умью
Ее назвать. Не помню, разъ,
Какой свель случай вмѣстѣ насъ.
За той, мы кажется, сидѣли
Игрой. — Но думать объ игрѣ-ли
Я могъ? — Въ умѣ лишь было то,
Что я одинъ въ минуты эти
Близъ той, которую ни что
Не замѣняло мнѣ на свѣтъ! —
И за Полячкой молодой
Я наблюдалъ, какъ часовой.
Пусть въ эту темпѣтѣ нашей стражей
Преобладаетъ зоркость таже.
И было такъ... Вдругъ вижу я,
Она задумываться стала;
Развлечена, не замѣчала
Своей игры. Игра моя —

И не грустить; была за ней —
 Не веселится; и хоть явно
 Наперекоръ удача ей —
 Но дить забаву своенравно
 Не престаётъ.—Ужъ ей пора —
 И все ни съ мѣста — та-жъ игра,
 Та-жъ развлечонная бесѣда! —
 И вдругъ, какъ молвія вотъ эта,
 Сверкнула мысль во мнѣ. У ней
 Въ лицѣ такое что-то было,
 Въ чомъ все надеждой такъ светило.
 За мыслью хлынулъ токъ рѣчей!
 И хоть въ нихъ мало было склада,
 Но все-же выслушали насъ,
 А только этого и надо.
 Вяла-ли женщина намъ разъ
 Въ другой — готова слушать вдвое.
 Въ ней сердце, вѣрь, не ледяное,
 Ея суровость — не отказъ.

VIII.

«И я любилъ, и былъ любимъ.
 Ты, говорятъ, Монархъ, крушимъ
 Весь вѣкъ свой не былъ страстью нѣжной.
 А если такъ, то про мятежный,
 И сладкій пылъ любви, тебя
 Не утомлю рассказомъ я.
 А то-бъ онъ для души холодной
 Твоей былъ вздоренъ и смѣшонъ.
 Не всякой въ міръ сотворенъ
 Повелѣвать, тебѣ подобно,
 Сстрастямъ сердца и судьбой
 Народовъ! Я былъ самъ главою,
 Вожатымъ тысячъ, и за мной,
 На гибель первымъ тѣкъ любой
 Изъ нихъ, — но, сильный надъ толпою,
 Не властенъ былъ я надъ самимъ
 Собой. — По рѣчь возобновимъ:
 Я обожалъ, и былъ любимъ.
 Любовь плѣнь сладкій, правда, только

Овъ сопряженъ съ развязкой горькой.
 Видались тайно мы; и часъ
 Къ тому условный, каждый разъ
 Былъ благъ небесныхъ ожиданьемъ!
 Дни, ночи—были для меня
 Ничто — вся жизнь ничто! Заря,
 Закатъ мой — ясны вспомипаньемъ
 Часовъ свиданья лишь.—Опять
 Готовъ Украйну-бъ я предать,
 Чтò-бъ возвратить ихъ сладость снова,
 Преобразиться вновь въ того,
 Кто былъ владыкой одного
 Тогда сокровища такого;
 Въ того счастливца молодого,
 Кого лелѣли въ тѣ дни
 Дары природы лишь одни —
 Краса и юность золотая.
 Видались тайно мы — (двойная
 Улада сердцу, говорить,
 Въ такомъ свиданьи) можетъ-статься!
 Чтò-жъ до меня, то я, признаться,
 Всегда былъ бѣшенствомъ объять,
 Что лишь украдкою такую
 Могли дѣлиться мы душою.
 Я былъ-бы жизнь готовъ отдать,
 Чтò-бъ только вслухъ *ее* назвать
Своей предъ небомъ и землею.

IX.

Глазъ зоркихъ много за четой
 Любовниковъ. Надзоръ такой
 Былъ и за нами. Демонъ злобный,
 Поступкомъ, нашему подобнымъ,
 Ужъ вѣрно, не былъ раздраженъ.
 Не знаю кѣмъ, но на влюбленныхъ,
 Въ одну изъ вѣчей вожеленныхъ,
 Былъ рой шпионовъ наведенъ.
 Схватили насъ. Вулканомъ яримъ
 Пылала злоба въ Графѣ старомъ.
 Обезоруженный, съ толпой

Я не отважился на бой:
 Мой подвигъ былъ-бы безуспѣшенъ,
 Да и тогда-бъ мнѣ не помогъ,
 Когда-бъ хотъ съ темя и до ногъ,
 Я былъ оружіемъ обвѣшенъ.
 Къ тому-жъ толпой былъ схваченъ я
 Близъ замка Графа, отъ жилья,
 Людей и помощи далѣко!
 Еще тогда сквозь мракъ глубокой
 Нигдѣ не брезжилась заря.
 Не ждалъ я, чтобъ сіянье дни
 Въ числѣ живыхъ меня застало.
 Казалось, смерть ужъ сосчитала
 Мои минуты; и въ тиши,
 Изливши исповѣль души
 Предъ небесамъ, и смиренно,
 Молитвой съ гробомъ примиренный,
 Я предался моимъ врагамъ.
 Меня ватага къ воротамъ
 Большаго замка проводила.
 Не зналъ я, что съ Терезой было,
 Какой надъ бѣдной судъ свершилъ. —
 Судьба съ-тѣхъ-поръ насъ разлучила.
 Свирѣпый, грозный мужъ былъ онъ,
 Надмѣнный этотъ воевода.
 Старикъ вину такого рода
 Могъ и забвенью-бы предать;
 Но къ мести звало опасенье,
 Чтобы такое-жъ приключенье
 Не повторилось опять
 Въ его грядущемъ поколѣньи:
 Да и фамильный гербъ его
 Страдалъ не мало отъ того.
 А воевода оскорбленный
 Былъ солнце рода своего,
 И мужъ первѣйшій во вселенной!
 Такимъ онъ самъ себя казалъ
 Въ глазахъ вельможъ высокоумныхъ;
 Меня-жъ, ничтожнаго, навѣрно
 И человекомъ не считалъ.
 О срамъ!.. вышайся въ это дѣло

Какой—нибудь блестящій родъ,
Тогда-бъ, быть-можетъ, оборотъ
Совсѣмъ другой оно имѣло.
Но пажъ ничтожный... О! какимъ
Графъ былъ неистовствомъ палимъ!..

X.

Коня!.. и конь былъ подведенъ.
То правда—конь былъ бравый, статный,
Украиной вскормленъ благодатной!
Казалось, весь онъ превращонъ
Въ порывъ былъ мысля. Дикъ былъ онъ,
Какъ серна дикъ, не укрощонъ.
Бичомъ, ни шпорою не израненъ,
Лишь накапунъ заарканенъ;
Свирьпо-бъшенъ, и съ грозой,
Стопами рѣя прахъ земной,
Храпѣлъ, дрожалъ онъ, — дыбомъ грива!
Весь въ пѣнь, въ страхъ, предо мной
Стоялъ дикарь нетерпѣливый.
И вотъ рабовъ свирьпыхъ рой,
Съ его хребтомъ меня ремнями
Перекрутилъ. Арканъ долой!
Внезапно бичъ гремѣть надъ нами...
Впередъ! впередъ! — И мы въ опоръ!
Быстрѣй, шумвѣй потоковъ горъ!

XI.

«Впередъ! впередъ! духъ замеръ мой!
Не взвидѣлъ я, куда со мной
Понесся конь; разсвѣтъ дневной
Еще чуть брезжился съ высотъ —
А мы стремглавъ, впередъ! впередъ!
И вмигъ толпъ враговъ незримы!
Последнимъ звукомъ вслѣдъ коня
Былъ дикій хохотъ, доносимый
Отъ буйныхъ вѣтровъ до меня.
Взбѣшонъ, пасмѣшливой толпою,

Я вдругъ рванулъ головою —
 И вотъ какъ не было ремня,
 Которымъ былъ притянуть я
 За шею къ гривѣ лошадиной.
 И приподнявшись въ половицу,
 Врагамъ проклятья посылалъ.
 Но грохотъ копскій не давалъ
 Имъ доходить до нихъ, быть-можетъ,
 И эта мысль меня тревожить.
 Мнѣ-бъ не хотѣлось уступить,
 Но зломъ за зло врагамъ отмстить!
 Насъ время послѣ похитило:
 Тамъ замка гордаго не стало.
 Его тяжолыя врата,
 Пруды, окопы, рвы, ограды —
 Все въ прахъ и пламень безъ пощады!
 Окрестъ ни травки, ни куста!
 Кой-гдѣ лишь плющъ осиротѣлый
 По сводамъ вѣется обгорѣлымъ.
 Лежить-ли путвику тамъ слѣдъ,
 Идетъ—и признака вкругъ нѣтъ,
 Что замокъ тутъ стоялъ когда-то.
 Я зрѣлъ, какъ пламенемъ объятой,
 Съ высотъ, тамъ башенъ рухнулъ рядъ.
 Какъ лава съ рдѣющихъ палатъ,
 Шумя, свинецъ лился кипучій.
 Ничто всѣ скрѣпы противъ тучи
 Свирѣпыхъ мстителей враговъ!
 Ватага буйная рабовъ
 Въ то время, вѣрно, не мечтала,
 Когда, какъ молнія, помчало
 Отъ нихъ чудовище меня,
 Что часъ настанетъ мой, и я,
 Должникъ признательный, къ ихъ пану,
 На тучахъ конницы нагрѣну,
 За шутку шуткой отплатить.
 Пора на все дать намъ случай.

XII.

«Впередъ! впередъ! мой конь, и я,

На крыльяхъ вѣтра, мпновали
Въ пути все признаки жилья!
Мы лѣтомъ воздухъ разсѣкали,
Какъ метеоръ, когда за нимъ,
Потухшимъ съ трескомъ громовымъ,
Огни зарницъ бразлятъ мракъ ночи.
Стремлю окрестъ я робко очи —
Въ виду ни города, ни сѣль!
Но разетплался дикій долъ,
Дремучимъ боромъ окруженный;
Да лишь, чертя въ сторону,
Громады башенъ зрѣлись мнѣ
На высотахъ, сооруженныхъ
Встарь отъ грозы татарскихъ ордъ.
Повсюду глушь. Предъ тмъ за годъ
Тутъ войско Турокъ проходило:
Гдѣ кони спаговъ протекли,
Окрававленной той земли
Ужъ мурава не зеленила.
Взглянулъ я въ высь—и падо мной,
Какой-то тяжелой, сизою мглой
Омрачено все небо было.
А долу, вокругъ насъ, выль уныло
Передразсвѣтннй вѣтерокъ.
Хотѣлъ-бы съ нимъ я вздохомъ слиться—
Но быстръ впередъ, впередъ нашъ скокъ.
И напрягая грудь, не могъ
Я ни вздохнуть, ни помолиться.
Холодный потъ, какъ градъ, съ меня
Струясь, на гриву лиль коня;
Огъ страха, гнѣва, онъ храпѣлъ,
И бурно вдаль, все вдаль летѣлъ.
Порой надежду я танлъ,
Что конь мой выбѣется изъ силъ.
Но пѣть! для бури столь могучей
Ничтоженъ былъ мой ставъ летучій,
И только шпоры замѣнял!
Освободить-ли я пскалъ
Отъ узъ распухнувшіе члены, —
Въ конъ усилюмъ напряженнымъ
Лишь пуце гнѣвъ я раздражалъ.
Порой вскричать я покушался —

Крикъ замираетъ, едва звуча;
 Но двкій зверь, какъ отъ бича,
 При каждомъ звукѣ содрогался,
 Какъ-бы трубы внезапный громъ
 Онъ слышалъ въ голосъ глухоты
 Межъ тѣмъ, изъ ранъ всѣхъ выступаая,
 На членахъ крѣпко кровь густая
 Ряды веревокъ запекла
 И страшно жажда неземная
 Палить гортань мнѣ начала.

XIII.

«Предъ вами лѣсъ. Смотрю кругомъ—
 Предъловъ нѣтъ ему... Мѣстами...
 Деревья хмурялися въ немъ,
 Провзрашонные вѣками;
 И усталая слѣдъ бѣдами,
 Неслѣсь изъ пѣдръ Сибирскихъ странъ,
 Ихъ не колеблетъ ураганъ
 Своею силою могучей!..
 А вдаль, подъ сѣнью ихъ дремучей,
 Вилась цѣпь зелени густой,
 Такъ вѣжно-юной, и порой
 Непораженной еще той,
 Когда хладъ осени суровой,
 Мертвя дубравы, листья ихъ
 Пятнаетъ краскою багровою;
 И рдеетъ этотъ знакъ на нихъ,
 Какъ кровь на трупахъ незарытыхъ
 Въ сраженіи ратниковъ побитыхъ,
 У коихъ воронъ не пронзить
 Морозомъ стянутыхъ ланитъ;
 То, зеленыя, разстиался
 Кустарникъ дикой. — Здѣсь и тамъ
 Каштаны высились; очамъ
 То дубъ могучій попадался,
 То сосны мрачныя кой-гдѣ,
 Но порознь всѣ — или-бѣ бѣдѣ
 Не миповать. Намъ уступали

Деревя путь; и не терзали
Сучки мнѣ ребрѣ; упасть съ коня —
Напрасный страхъ; не одоляли
И язвы лютыя меня,
Какъ вѣтрѣ мы листьями шумѣли! —
И вотъ въ мгновенье облетѣли
Деревя, зелень и волковъ! —
Я слышалъ, сердцемъ замирая,
Ихъ шумъ во-слѣдъ своихъ слѣдовъ!
Какъ ураганъ неслась ихъ сталъ,
За нами въ сумракъ ночномъ!
Куда-бъ мы бѣгъ не устремили,
Повсюду волки за конѣмъ,
До восхода солнца насъ слѣдили!
Ихъ на разсвѣтъ видѣлъ я:
Ихъ рой на шагъ лишь отъ коня
Сквозь чащу лѣса прорывался!
А въ мракъ ночи раздавался
Во-слѣдъ намъ топотъ ихъ глухой!
О! что-бъ кинжалу быть со мной,
Я вторгся-бъ въ ихъ среду съ отрадой!
И если-бъ гибель обрѣсти
Должно — я паль-бы, но среди
Окрававленнаго мной стада.
Какъ конь сперва попелъ меня —
Желалъ предѣла бѣгу я —
Теперь болзнь меня томила,
Чтобъ не утратилась въ немъ сила, —
Напрасно! дикій сыпъ степей
Стремился серной быстроногой.
Играетъ вьюга не быстрѣй
Зимой вокругъ хижинъ убогой,
Какъ онъ летѣлъ путемъ глухимъ!
Суровъ, свирѣпъ, неукротимъ,
Весь буря, пламень, образъ ада,
Какъ избалованное чадо,
Какъ свосправная жена,
Когда обижена она.

XIV.

Лъсъ мною. День ужъ вечерять.
 Но воздухъ, чувствую, свѣжелъ,
 Хотъ былъ июнь тогда. Иль въ жилахъ
 Моехъ ужъ кровь, быть-можетъ, стыла.
 Подъ пыткой медленной падеть
 И духъ могучій. Я не тотъ
 Въ ту пору былъ. Нетерпеливый,
 Стремительный, какъ бурный токъ,
 Чувствъ необузданныхъ порывы
 Я прежде изъявлялъ, чѣмъ могъ
 Постичь причину ихъ стремленья. —
 И мудрено-ль, что изнемогъ
 Я на-минуту отъ мученья.
 Страхъ, пытка, бышенство и стыдъ,
 Быть такъ свирѣпо осужденнымъ —
 Всѣхъ этихъ золь сосудъ испить
 Вполнѣ былъ тѣмъ, кому врожденнымъ
 Въ крови остался свойствомъ пылъ,
 Который въ злобѣ походилъ
 На смертью дышущее жало. —
 Земля, казалось мнѣ, бѣжала;
 Небесный сводъ ходилъ кругомъ;
 Съ коня валюсь — но нѣтъ, на нёмъ
 Скрученный, крѣпко я держался;
 Мой мозгъ трещалъ; духъ занимался,
 То въ сердце трепеть пробуждался,
 То обмиралъ я — небеса,
 Какъ-бы громада колеса
 Невзыримаго катились;
 Деревья падали, кружились;
 Вдругъ блескъ мгновенный мнѣ въ глаза —
 И тьма встала... Нѣтъ, на свѣтъ,
 Никто ужасно такъ, какъ въ эти
 Минуты я, не умираю.
 Мракъ наступалъ и исчезалъ..
 Хочу опомниться — напрасно!
 Усилю чувство неподвластно.
 Такъ на обломкѣ корабля

По безднѣ носится несчастный,
Когда валы, всхолмясь, тебя
Въ морскую пронасть погружаютъ;
И въ то-жъ мгновенье, изъ себя
Въ міръ ликихъ дебрей извергаютъ!
Волненьемъ чувствъ я походилъ
На призракъ быстрыхъ тѣхъ свѣтилъ,
Которыхъ блескъ намъ зримъ бываетъ
Въ полночной мглѣ — когда палить
Нашъ мозгъ горячка начинаетъ.
Волненій этихъ вскорѣ нить
Перервалась. Но не забыть
Слѣдовъ ихъ. — Страшно если то-же
Меня ждетъ вновь на смертномъ ложѣ!
Однако намъ, какъ надо мнить,
Горчѣй придется чашу пить
Въ часы предсмертнаго страданья. —
Но что о томъ! — смерть не бѣда:
Отважный Гетманъ ей всегда
Смотрѣлъ въ лицо безъ содроганья.

XV.

«Очнулся... Гдѣ-жъ былъ я? Какъ ледъ,
Весь хладенъ; члены въ онѣмьень;
И мракъ и головокруженье
Туманятъ разумъ мой. Но вотъ
Сталъ биться пульсъ... И въ сердцѣ мало-
По-малу жизнь затрепетала...
Какъ вдругъ опять меня всего
Проникъ морозъ, и устремилась
Вся къ сердцу кровь, а до-того
Она такъ медленно струилась!..
И дивный шумъ въ ухахъ моихъ!..
И сердце вновь затрепетало...
Прозрѣвъ очи вдругъ; но ихъ
Какъ-будто влагой заливало;
Какъ гдѣ-то слышу я шумъ волнъ...
И вижу — звездами сверкаетъ
Небесный сводъ — то былъ не сонъ —
Мой конь рѣку переплываетъ!

И широко, окрестъ себя,
 За зыбью, съ шумомъ, зыбь клубя,
 Двкаръ пучину раздвигаетъ!
 Борясь съ хаосомъ волнъ и тьмы,
 На серединѣ вотъ ужъ мы!
 Вода боль рапъ моихъ смягчила;
 И истомленнымъ членамъ сила
 На-время новая дана.
 Широкой грудью, конь отважно,
 Дробить валы стихій влажной,
 И востъ въ-слѣдъ насъ глубина!
 Но вотъ и берегъ, сномъ объятый...
 И мнѣ ни сколько въ томъ отрады!
 За мною смерть и тьма была!
 Напротивъ — глушь и ночи мгла!
 Какъ долго съ смертью я сражался,
 Въ припадкѣ судорожномъ спалъ —
 Не помню. Чуть лишь понималъ,
 Въ какомъ я мѣрѣ обрѣтался.

XVI.

«И съ влажной шерстью, мокрой гривой,
 Клубами пара окружонъ,
 Мой конь бросается изъ волнъ
 На скользкій берегъ горделиво.
 Вскочилъ. — И залитое мглой,
 Безбрежье степи предо мной!
 И вотъ, теряясь въ эопръ,
 Растетъ все шире, шире, шире,
 Какъ зримымъ пропастямъ во свѣ —
 Нигдѣ конца! — На вышинѣ
 Вдругъ выплылъ мѣсяцъ изъ тумановъ,
 И полнымъ свѣтомъ озарилъ
 Ряды разсыпанныхъ кургановъ.
 Какъ море зыблясь, серебрилъ
 Всю степь ковыль съдой! Напрасно
 Раздолье взоромъ мѣрилъ я —
 Нигдѣ и признака жилья
 Не озарялъ вокругъ мѣсяцъ ясный!
 Хоть-бы гдѣ свѣточъ одинокой

Сверкнулъ привѣтомъ издалёка!
 Или блудящій огонёкъ
 По степи сумрачной пробѣгъ —
 И тотъ мнѣ былъ-бы въ утѣшеніе!
 Завилъ свѣтъ вдали пустой,
 Я обманулся-бъ хоть мечтой,
 Что не далеко до селенья.

XVII.

«Впередъ мой конь! но ужъ изъ силъ
 Онъ выбился; склоняся главою,
 Онъ шаткой, медленной стопою,
 И взмыленъ весь, меня влечилъ. —
 Сталъ смиренъ, тихъ, ребенокъ слабый
 Могъ съ нимъ управиться тогда-бы,
 Но что-же въ этомъ было мнѣ?
 Лежалъ скрученъ я на конѣ.
 Но будь и волея, — можетъ, сила
 Мнѣ и тогда-бы взмывила;
 Порой рыскался я, и рвалъ
 Веревки, злобой обалившій,
 Все тщетно — пуще только равы
 Я, порываясь, растревляя;
 Измученъ пыткой свирѣпой,
 Я бросилъ замыселъ нелъпый,
 И ждать, что будетъ, сталъ. — Кой-гдѣ,
 Мерцанье свѣта въ высоту,
 Восходъ мнѣ солнца возвѣщало...
 Увы! какъ медленно свѣтало!
 Казалось, вѣкъ въ степи глухой
 Не снимется туманъ съдой!
 Какъ онъ льниво распадался..
 На горизонтѣ показался
 Съ-начала пурпуръ. — Чередой
 Звезда потухла за звездой.
 И вотъ, всплывая надъ востокомъ,
 Заря въ величьи одинокомъ
 Пожаромъ по небу пошла,
 И землю огненнымъ потокомъ
 Съ высоту престольныхъ залила.

XVIII.

«Вскатилось солнце! расклубился
 Туманъ волнистый надъ страной,
 Повсюду мертвой тишиной
 Объятою. — Куда-жь конь мой
 Такъ необузданно стремился
 Черезъ глушь лѣсовъ, чрезъ бездну рѣкъ?
 Ни дикой звѣрь, ни человекъ,
 Не промелькнутъ въ краю забытомъ!
 Нигдѣ стопой, нигдѣ копытомъ
 Навпечатлѣннаго слѣда,
 Ни звука жизни, ни труда!
 И самый воздухъ былъ молчавье:
 Ни насѣкомаго жужжанья,
 Ни птички утренней напѣвъ,
 Ни изъ-подъ травки, ни съ деревь,
 Тамъ по зарѣ не раздавался.
 Давно чуть движась, подо мной
 Изнеможенный конь шатался;
 Давно духъ бурный занимался
 Ужъ въ немъ предсмертной хрипотой.
 И мертво все вокругъ насъ было...
 Но наконецъ, изъ-за вѣтвей,
 Какъ-будто ржанье лошадей,
 Я слышу, воздухъ огласило...
 Не втерѣ-ли въ бору реветъ?
 Нѣтъ! нѣтъ! то изъ-за лѣсу мчится
 Табунъ, шума—онъ близокъ — вотъ!
 Громовой тучею стремится!
 Я вскрикнуть—силъ не достаетъ.
 Легъ коней прахъ столбомъ вздымаетъ!
 Но гдѣ-жь они? Кто управляетъ
 Неукротимымъ табуномъ?
 Тьма коней, и не на одномъ
 Нѣтъ всадника. Хвосты ихъ, гривы,
 Клубятся по вѣтру игриво;
 Раздуты въздри; мундштукомъ
 У нихъ въ кровь морды не размыты;
 Гвоздьми не пробиты копыты,

Крутя бедра не взрыты
Ни острой шпорой, ни бичомъ, —
Тьма коней, бурныхъ, дикихъ, вольныхъ,
Какъ ураганъ, морскія волны,
Неслось на-встрѣчу намъ! Табувъ
Завидя, ожилъ мой скакунъ.
Съ минуту онъ перемогался,
На гулъ знакомый отозвался
Охрилымъ ржаніемъ... и палъ.
Конецъ! онъ путь свой пробѣжалъ!
Потухъ въ могучемъ пламени гордый!
Клубами паръ съ боковъ валить!
Волною пѣва хлещетъ съ морды!
Притекъ табувъ... и вотъ глядитъ...
И конямъ дивно, кони въ страхъ,
Узя поверженныхъ на прахъ...
Они стоятъ, они дрожатъ...
На вѣтеръ морды... пѣной прыщутъ...
И вотъ шарахнулись... и рыщутъ,
Кружатъ по степи... и назадъ,
Грохоча, дружнымъ мчатся скокомъ,
Водимы воронымъ конемъ,
Главой табуна, и ни клока,
Ни струйки бѣлизны на немъ!
Вновь ржать, храпятъ... на стражъ ухо!
И вдругъ весь врознь... и вотъ взвились...
И снова къ лѣсу повесились
Отъ человѣческаго духа!
Они покинули меня!
Къ хребту издохшаго коня
Привязанный остался я!
И ни его, и ни себя,
Не находилъ я ни умѣнья,
Ни силъ, избавить отъ мученья.
— На жизнь надежды никакой!
И вотъ лежимъ! На охладѣломъ
Охлаждающій! Не смѣла
Дружиться мысль уже со мной,
Что солнце встрѣчу я живой
Завтра въ краѣ опустѣломъ.

XIX.

«Проходить утро, день, по пути,
 Съ меня не пали, и мнѣ уты
 Судьбы ужасной, роковой,
 Ужъ тяготѣли надо мной.
 И чуть могли мои звницы
 Взирать на рдѣющій закатъ
 Последней для меня денницы.
 Ужъ я былъ мракомъ тѣмъ объятъ,
 Когда разсудокъ заставляеть
 Настъ слыно вврѣтися *тому*,
 Чтѣ вщїи голосъ лѣтъ, уму
 Последнимъ страхомъ предрѣкаетъ,
 Чего никто не избѣжитъ,
 Въ *чолѣ* даже милость смертнїи зрить
 Порой, но отъ *чего*, однако,
 Готовъ-бы опростетью всякой
 Бѣжать, какъ-будто-бъ звѣрь какой
 Гнался за нимъ; *чего* порой
 Мы такъ желали, умоляли,
 Порой неистово искали
 Съ мечомъ въ рукахъ—и все напрасно!
 Смерть людямъ вѣчный врагъ. Какой
 Не придавай ей видъ умъ твой—
 Во всякомъ, грозная, ужасна!
 И страшно! счастья сыны,
 Въ удѣлъ которымъ суждены
 Всѣ наслажденья жизни дольной—
 Они встрѣчаютъ смерть спокойно,
 Спокойнѣи, можетъ-быть, чѣмъ тотъ,
 Кого въ загробнїй край ведетъ
 Дорога бѣдности суровой.
 Тотъ, кто извѣдалъ въ жизни сей,
 Все, чтѣ пи мило въ ней, ни пово,
 Онъ ничего не ждетъ ужъ въ ней;
 Здѣсь ничего не покидаеть:
 И, кромѣ помысла въ тиши,
 О темной вѣчности, душ
 Его ничто не возмущаеть...
 Бѣднякъ-же вѣрой полнѣ... все ждетъ,

Что горе кончится... но вотъ
Туманъ его объемлетъ вѣжды,
Приходитъ смерть, и дерзко жвѣтъ
Имъ насажденный садъ надежды, —
За утро-бъ, можетъ, онъ донесъ
Свой тяжкій крестъ; вознаградились
Его утраты; прекратились
Недуги сердца, токи слезъ;
За утро-бъ можетъ онъ впервые
Творца за жизнь благословилъ,
И пролилъ слезы-бы святыхъ,
И годы бѣдствій роковыя
Въ избытокъ благъ онъ позабылъ;
За утро-бъ онъ былъ грозенъ силой,
Имѣлъ и власть, и блескъ царя —
И утра этого заря
Должна-ль рдѣть надъ его могилой?

XX.

«Садилось солнце; все скручонъ
Лежу на трупъ я. И съ страхомъ
Сталъ помышлять, что съ конскимъ прахомъ
И мой смѣшаться обречонъ.
И смерти требовали вѣжды.
Мой часъ ударилъ, нѣтъ надежды!
Я бросилъ взглядъ послѣдній свой
На небеса — и тамъ въ туманѣ
Ужъ вился воронъ надо мной.
Онъ насъ терзаетъ алкалъ заранѣ,
Чѣмъ возродится голодъ въ немъ;
Остынемъ оба мы съ конемъ...
То отлетитъ, то къ намъ онъ снова...
И къ трупу онъ, что поворотъ,
То ниже, ниже все... и вотъ
Съ широкихъ крылъ его гробовый
Ужъ вѣлль холодъ мнѣ на ликъ,
Но мой глухой могильный вскрикъ,
Руки усылное движенъе
Остановили нападенъе...
И воронъ скрылся отъ очей...

Не помню болѣе. Мою
 Мечтой послѣдней что-то было
 О звездочкѣ... Въ пустынной тѣмѣ
 Она то гасла... то светила,
 И издалѣка подходила,
 Сверкала, ближе все ко мнѣ.
 Я, мнилось, въ волны погружался;
 Вдругъ цѣпенью и возвращался
 Вновь къ ощущенью бытія.
 Потомъ опять, какъ мертвый я,
 И вновь перевожу дышавье...
 Какой-то вдругъ недужный мразъ
 Сдвинулъ мнѣ сердце, и изъ глазъ
 Исторглись искры... тошно... горько...
 И вотъ вновь трепеть, вздохъ — и только.

XXI.

«Очнулся... гдѣ я?... что со мною?
 Кто это смотритъ на меня?
 Лежу на ложь-ль?.. надъ главою
 Моею кровля-ль? точно-ль я
 Въ приютъ мирномъ состраданья?
 И очи смертнаго-ль сознанья
 Такъ на меня устремлены?
 Сочтя, что это еще сны
 Недуга, вновь закрылъ глаза я.
 Длинноволосая, малая,
 Стройна, какъ пальма, у стѣны
 Сидѣла дѣва. Быстро томной,
 Такъ полный дикаго огня,
 Казачка взоръ свой на меня
 Бросала въ горести безмолвной.
 Сверкавшій пламень глазъ ея
 Чуть только ожилъ, встрѣтилъ я,
 До-той-поры былъ къ ней прикованъ
 Пока увѣрился, что пѣть,
 Я не мечтою очарованъ,
 Но что я живъ, гляжу на свѣтъ.
 И стаей врановъ не расклеванъ.
 Открылся взоръ, и на лицъ

Казачка радость заиграла;
 Я говорить хотѣлъ—но мнѣ
 Примѣтно сила взмѣняла.
 И дѣва къ ложу подошла,
 И персть къ устамъ прижавъ, дала
 Понять, чтобъ я хранилъ молчанье,
 Пока совсѣмъ пройдетъ страданье
 Пока безъ боли, безъ труда,
 Я отверзаты могу уста.
 И за руку меня въ безмолвьѣ
 Она беретъ, и въ головьѣ
 Мое она приподняла;
 Потомъ неслышимо пошла
 Отъ ложа прочь, и отворила
 Леговню дверь, проговоряла
 Тамъ чтò-то шопотомъ; я мнилъ
 Что слышу райскіе напѣвы!
 И самый шумъ походки дѣвы
 Въ себѣ ту-жъ музыку таилъ!
 Но тѣ, къ кому тотъ шепотъ былъ,
 Не пробуждались. И порхаетъ
 Казачка вонъ; но напередъ
 Она свой взоръ въ меня вперяетъ;
 Еще разъ знакъ мнѣ подаетъ,
 Что скоро вновь она придетъ,
 И что мнѣ нечего страшиться;
 Что не замедлитъ все явиться
 На зовъ мой.—И чтò вынесъ я,
 Какъ скрылась дѣва отъ меня?

XXI.

«Казачка вновь вошла съ отцомъ
 И матерью.—Но чтò-жъ потомъ?
 Я о своей препратной долѣ
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ принять былъ подъ кровъ
 Гостепріимныхъ казаковъ,
 Не продолжу разказа боль.—
 Они въ степи меня нашли;
 Они, какъ трупъ перенесли
 Меня подъ кровлю хаты ближней;

Меня призвали снова къ жизни...
Меня, чтобъ властвовать потомъ
Надъ краемъ ихъ...
Кто предузнать свой жребій можетъ?
Пусть малодушие не тревожить
Ни чьихъ надеждъ, ни чьихъ сердець!
Затихнетъ скоро гулъ погони;
За-утра будутъ наши кони
Пастись свободно наконецъ
На той странѣ ужъ Борисфена;
Съ какимъ привѣтомъ я колыва
Передъ Днѣпромъ склоню, когда,
Богъ дастъ, мвнуетъ насъ бѣда.
И берегъ дружній наши очи
Увидятъ... Братья, доброй почв!...»
И вотъ расквнулся старикъ
На листьяхъ, настланныхъ подъ дубомъ,
Одръ не новомъ и не грубомъ
Тому, кто въ жизни сей привыкъ
Вездѣ покопться, гдѣ-бъ только
Не довелось ему, нисколько
Не мысля, гдѣ, на чомъ. Какъ разъ
Мазепа крѣпкимъ сномъ забылся.
И странно-ль вамъ, что за рассказъ
Спасибомъ Карломъ не поплатился?
Мазепа вовсе не двинулся:
Карлъ спалъ назадъ тому ужъ съ часъ.

И. ГОГНИЕВЪ.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАСТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ И И. ПЕСОЦКИМЪ.

=

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

=

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въздано въ Типографіи Театральной
Библіотеки
А. В. ДУНАЧАРСКИМЪ

10749